ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП

проект 213
"учитель"

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

ЗАКОН ОБРАТНОГО ПЛАТЕЖА

28 сентября
2026 год

Юлия Ефимова

Закон обратного платежа

https://litres.ru/74728213
SelfPub; 2026

Аннотация

Детективное агентство «Проект 213: учитель» срочно отправляется в Удмуртию найти пропавшего человека. Казалось бы, дело не предвещает ничего сложного, но всё переворачивается с ног на голову, когда Эрик, главный мозг агентства, оказывается запертым в доме, похожем на аквариум, посреди леса с четырьмя незнакомцами, без воды и еды.

Отсутствие провизии — не самая большая беда: строение построено в зоне К-16, где повышенное в 27 раз электромагнитное поле медленно убивает гостей странного дома.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Дневник Фанни Дюрбах	28
Глава 2	38
Глава 3	45
Глава 4	50
Глава 5	53
Глава 6	65
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юлия Ефимова
Закон обратного платежа

Серия: проект 213: учитель
Книга третья.

Приветствую тебя, мой дорогой читатель.

1 апреля 2026 года прошла ежегодная премия «Электронная буква», где ваша покорная слуга получила звание автора года 2025 в номинации «Детектив».

Это не просто статуэтка и диплом, это высокая оценка моего творчества, за которую я очень благодарна всем причастным.

Данное звание одновременно и трогает, и обязывает.

Хочу сказать спасибо своим родителям, которые привили с детства любовь к книгам, стараясь объяснить мне, что такое хорошо, а что такое плохо.

Папе, который не застал моего успеха, но я уверена, радуется за меня, сидя на облаке. Спасибо ему за то, что передал мне любовь к истории мира и Родины, в частности.

Маме, моему самому преданному и самому первому чита-

телю, за то, что каждый раз вселяешь мне уверенность в свои силы.

Дочке, ты с первых моих шагов в писательстве и до сих пор веришь в меня и помогаешь. Ты первая сказала мне, что то, что я делаю, очень круто, и я поверила тебе. Эта вера ведет меня как маяк, не давая сбиться с пути.

Мужу, за то, что когда-то предложил мне попробовать написать книгу и с тех пор всегда серьезно относится к моему творчеству, предсказывая все мои успехи.

Спасибо тебе, мой читатель, без тебя ничего бы этого не было.

Свою двадцать вторую книгу я посвящаю этому значимому событию в моей жизни.

Все события в книге: плод фантазии автора, а совпадения случайны.

Помните, это художественное произведение, предназначенное для отдыха, а не энциклопедия.

Закон обратного платежа

Никогда ничего не просите — это бессмысленно,
Человек, показавший слабость, раним вдвойне.
Оголив на секунду свою зависимость,
Вы уже проиграли на этой войне.

Лучше пробуйте скреативить, стать смелей,
И стараться быть лучшим на этот раз.
Брать в сравнение только великих людей,
А сомневаться, как в первый раз.

И пока от вас ничего не ждут,
Посмотрите на мир под другим углом.
Ведь создать загадку своих Бермуд,
Можно лишь оставив успех на потом.

Как писал великий Булгаков в рассветный час,
А он, уж поверьте мне, был в этом очень крут.
Никогда не просите, у тех, кто сильнее вас,
Сами предложат и все дадут[1].

[1] Здесь и далее стихи автора

Пролог

село Красногорское, Удмуртия.

Человек мычал и бился в истерике, пытаясь что-то сказать, но все слова пленника были неинтересны. Наверное, потому, что все вокруг с рождения воспринималось лишь как средство достижения цели, все, даже люди.

Хотя, почему это «даже»? В первую очередь люди.

— Не мычи, — скривился мужчина от ненужной суеты, — вот смотри, я сейчас уйду. Там на тумбочке железный штырь, я все просчитал, ты подползешь. Знаю, знаю, — сказал он примирительно на то, что лежавший на земле мужчина снова громко замычал сквозь заклеенный рот, — конечно же, будет нелегко. Более того, по моим подсчетам, ты сделаешь это только завтра, возможно, послезавтра. Хотя с поправкой на адреналин в твоей крови, может, и через три дня. Так вот, вон там ведро, сам знаешь для чего, но не части с этим делом, тебе сидеть здесь долго, можешь просто задохнуться от своих испражнений. А на полке хлеб и вода, и вот тут, милый мой, уже все зависит от твоих умственных способностей. Ты должен распределить и воду, и хлеб так, чтоб хватило хотя бы на неделю, именно столько я даю тебе на открытие двери. Я бы их, к примеру, открыл за час, но

ты же не знаешь ни законов физики, ни механики, и потому пойдешь, скорее всего, понятным для себя путем, будешь просто ее ломать. Тут, милый мой, кто на кого учился, как говорится. Когда через неделю, плюс-минус, откроешь ее, то можешь идти на все четыре стороны вести свою никчемную жизнь. Но только подальше, понятно? Ой, что-то я такой хороший сегодня, прям жуть. Наверное, чувствую, что скоро все свершится!

Пленник замычал еще громче.

— Не стоит тратить свою энергию. Это от меня тебе простой, человеческий совет. Что-то разошелся я сегодня на советы, повезло тебе, в хорошем настроении я, в предвкушении. Послушай умного человека, хлебом ты не восполнишь свои силы полностью, тебе нужно беречь ту энергию, что еще у тебя осталась. Я бы, например, на твоем месте сейчас уснул. Да, прям связанным, со скотчем на лице, чтоб отдохнуть и подумать, что делать дальше, но ты не сможешь, к сожалению, этого сделать. Уровень адреналина и кортизола в твоей крови зашкаливает и заставляет тебя совершать необдуманные поступки, которые не приведут ни к каким результатам. Хотя, о чем это я, вот даже мне свойственно на эмоции попадаться, радость меня аж распирает. Стою сейчас, с тобой разговариваю, понимая при этом, что все бесполезно, но знаешь, как-то прикипел я к тебе. Не знаю, почему, обычно мне все равно на людей, а на таких, как ты, и подавно, но

есть в нашей с тобой встрече что-то из посланий небес, что-то кармическое. Ты очень вовремя мне попался.

В дверях мужчина обернулся и еще раз сказал:

— Очень.

Глава 1

— Какашки мне в кармашки, — воскликнул Юлий восторженно, когда Зоя Саввична хакнула телефон его новой пассии. Двадцатисемилетний молодой человек изменился за последнее время, отрастил рыжие волосы и даже сделал молодежную стрижку. Теперь он выглядел так: виски были сбриты, а верхние волосы убраны в небольшой хвост. В остальном же Юлий Царьков оставался все таким же улыбчивым и эмпатичным малым, которого просто нельзя было не любить.

— Боже, Юлик, где ты всего этого набрался, фу, — ничуть не смутившись, хохотнула Зоя Саввична. — Как сказала бы моя тетя Песя: не дружи больше с мальчиком, с которым дружишь сейчас, он тебя обманывает, вы нечестно обмениваетесь информацией. Ты ему хорошую, он тебе плохую.

Сентябрь был дождливым в Подмосковье, и, несмотря на еще довольно теплую погоду, сидеть в саду уже не получалось, поэтому они устроились на веранде у большого круглого стола. Летом за ним пили чай и даже обедали иногда, но сейчас все трапезы были перенесены в гостиную, где находился камин, и потому сырость была не столь ощутима.

— Бабулечка моя говорит, что я как кот дворовый.

— Мило, — согласилась Зоя Саввична. — Бывало, детей

называли котиками, но твоя прародительница скреативила.

— Ну это в том смысле, что куда бы я ни пошел, приношу оттуда каких-то словарных блох. Однажды в летнем лагере я был в одном отряде с коми-пермяками и, вернувшись в Москву, довел бабулечку до инфаркта своим говором. Эти мои приговорки и интонации она не могла вывести еще год. Хотя знаешь, они мне очень нравились, они какие-то настоящие, что ли, были. Не слова, а сразу чувства.

— А сейчас ты, куда сходил? — спросила Зоя Саввична. — Про кармашки я у тебя раньше не слышала, да и прическа тоже восторг.

— Ну так Василий Васильевич задание давал.

— У нас дело? — удивилась Зоя Саввична. — Почему я не в курсе?

После того, как они распутали два сложнейших дела и так не получили работу у конторы, Василий Васильевич предложил уже сработавшейся четверке организовать свое детективное агентство, которое, надо сказать, пока не приносило большой прибыли, так, все больше по мелочи.

— Там родители за своего сына беспокоились, думали не влез ли во что дурное, вот и пришлось в молодежную среду внедряться, там и подцепил, — пояснил Юлий. — А прическа эта очень модная среди подростков, а-ля футболист Златан Ибрагимович.

— Ну тогда я рада, что ты вынес оттуда только это дурацкое выражение и не менее нелепую стрижку. Дети сейчас

непредсказуемы. Как ты вообще туда затесался? При всей моей любви к тебе, на подростка ты не тянешь, даже с этим хвостом, хотя, — немного засомневалась она, — может, это я старею.

— Вы как Ленин, вечно молодая, — сказал Юлий. — А я футбольным тренером на время устроился в секцию, ну а мальчишки любят, когда взрослые их на равных держат, по себе знаю. Так что внедриться проблем не было, да и у пацана, как оказалось, все нормально тоже, перебдели родители.

— Все готово, — сказала Зоя Саввична. — Читай и наслаждайся.

— Вот так вот просто, отправив фото на телефон, можно в него забраться? — продолжал восхищаться он работой коллеги.

— Ну, во-первых, не просто, — обиделась Зоя Саввична, выпуская дым кольцами. — Не занижай, пожалуйста, мои способности. Ну а во-вторых, не только отправить: она должна это фото еще и сохранить на свой гаджет, вот только тогда можно работать.

— Ну, мое фото трудно не сохранить, — расплылся в счастливой улыбке Юлий. — Я ведь обаятельный.

— Только с девицами тебе не везет, — сказала Зоя Саввична, тыкая в экран ноутбука, где была переписка его избранницы с подругой, и в ней она высказывалась о Юлии не в очень хорошем контексте. — По-моему, эта рыба сдохла еще в море, и зачем это вы ее сюда притащили, если на по-

любоваться, то зря. Так говорила моя тетя Песя на рынке у рыбного прилавка, что в парадигме ее мира означало, что товар на прилавке не свежий. Твоя рыба тоже сдохла, Юлик.

— Пойдемте обедать, уже и так три часа, видимо, ни Эрика, ни Василия Васильевича мы уже не дождемся, — на веранду вошла Ирма.

Как же она изменилась за последние четыре месяца.

Она уже не носила очки. Эрик сделал для нее эксклюзивные линзы, в которых существовать в быту было намного удобнее. Более того, за четыре месяца, что девушка жила, так сказать, на свободе, Эрик почти привел ее эмоционально в порядок, разработав для этого свою методику и даже почти социализировал.

То, что казалось невозможным, стало реальностью. Друзья еще помнили замученную видениями, головными болями и таблетками Ирму, которую они похитили из сумасшедшего дома. Как говорил довольный Эрик, в этом мире возможно все, надо только немного подумать, как это осуществить.

Алька, подруга детства, научила девушку готовить и убирать дом, а также ухаживать за собой. Эрик по-прежнему снимал дачу в Подмосковье для себя и Ирмы, но, по сути, здесь уже поселилась вся компания «проекта 213: учитель», именно так теперь называлось их детективное агентство.

Зоя Саввична тоже приняла участие в обучении Ирмы, она объясняла девушке, как обращаться с новомодными га-

джетами, ну а Юлик учил ее шутить, а главное - смеяться.

Ирма была способной ученицей, и если учесть, что большую часть жизни она провела в сумасшедшем доме, то ее социализация неслась просто на огромной, можно сказать, крейсерской скорости.

— Ирма, пойдешь за меня замуж, — сказал Юлий расстроенно после чтения сообщений своей уже несостоявшейся подруги.

— Ты хороший, — сказала девушка, улыбнувшись. Ее стриженные под «ежик» в больнице волосы довольно быстро отросли и теперь завитушки смешно падали на лоб. — Но, Юлий, ты маленький и глупый мальчишка.

— Спорное утверждение. Моя бабуля говорит, что я легкий, — уточнил беззлобно Юлий. — Вернее, даже не так: «лёгонький».

— Может быть, — не стала спорить Ирма, подошла и поцеловала его в макушку. — Я старая для тебя, мы обязательно найдем тебе молодую красотку.

У нее случались такие порывы, и даже Эрик пока ничего не мог с ними сделать. Кроме ауры человека, в которую прагматичный профессор Эрик Кузьмич Единичка почему-то сразу поверил, хоть сам не видел ее никогда, но пытался все объяснить физикой. Ирма еще и чувствовала людей всем своим естеством. Это было не так тяжело, как аура, когда она, бывало, превращалась, по словам девушки, во всплески чего-то черного, синего и темно-зеленого. Виде-

ния она описывала как тени, переходящие даже в лики животных, людей и вибрации.

Методом экспериментов Эрик понял, что очки от солнца, которые не пропускают ультрафиолет, помогают ей не видеть ауру, и с этим вопрос был решен, с остальными же проявлениями чувств он решил бороться воспитанием, чтоб научить Ирму самостоятельно справляться со своими эмоциями.

Но иногда она все же забывалась и вот так, как сейчас, почувствовав хорошего человека, могла подойти и обнять или поцеловать его по-родственному в щеку, даже незнакомца.

Реакции хороших людей обычно были не страшными, потому что это, наверное, и правда были хорошие люди, с плохими же было все иначе. Их Ирма тоже чувствовала даже в линзах и боялась. И вот когда она, не справившись со своими чувствами, начинала сторониться человека или, еще того хуже, убегать, при этом начиная истерично кричать, реакция плохих людей была обычно агрессивной, что работало еще хуже, делая испуг Ирмы паникой.

Именно поэтому выходы в свет, как называл прогулки в общество Эрик, были у Ирмы лимитированы по времени, но обязательны и постоянны, для достижения должного эффекта. Эрик не надеялся, он точно знал, что она со временем полностью социализируется.

Но главным лечением была вода. Недаром же единственным своим воспоминанием детства у Эрика был бассейн, где он и еще двое детей, мальчик и девочка, плавали в нем под

водой, как рыбы.

Эрик так и не смог разгадать тайну, что делали профессора с ним, но точно понимал, что вода была ключевым инструментом экспериментов над ними. Однажды в детстве Эрик случайно понял это про себя. Он провалился под лед и пробыл под водой одиннадцать минут и одну секунду. Это точное время засекли его новомодные тогда часы, которые мама подарила ему на день рождения. Именно там под водой он и увидел впервые свое будущее, а именно стены палаты, разрисованные героями мультфильма, в которую он через несколько дней придет в себя. Так он определил еще неведомую, но настоящую силу воды конкретно для него.

Позже путем разных экспериментов он понял, что, имея информацию о каком-либо деле, он, погружаясь в холодную воду на 11 минут и 1 секунду, может предвидеть и делать правильные выводы насчет дальнейшего развития событий. Погружение в воду полностью, с головой, было обязательным условием успешного решения.

Вот и с Ирмой он решил поступить так же. Правда, девушка еще не могла достичь такого большого времени без воздуха, но каждодневные холодные ванны, достигающие сейчас уже восьми минут, облегчали ее состояние. Она все реже впадала в истерику, увидев черную ауру, хотя маслянисто-зеленый и коричневый цвета в слизи все еще приводили ее в ужас, с которым Ирма пока справлялась с трудом.

Но Эрик упорно продолжал занятия. На двери ванной

комнаты даже висела таблица, если верить которой через пару месяцев Ирма сможет полностью контролировать свой дар, для этого периодически опускаясь в воду.

— Я тебя сейчас понимаю как никто, как же тяжело знать все про человека и как хорошо быть в неведении, — сказал Юлик, обняв в ответ Ирму. — Вот если бы я не знал, что она такая гадкая, у меня бы был шанс стать счастливым.

— Ты бы все равно это узнал, только позже, — сказала Ирма, поглаживая его по голове, как обиженного ребенка. — Хоть обычные люди не чувствуют этого, но черноту все равно не скрыть, она обязательно выплеснется. Ты знаешь, зло оно активно, очень, оно не может долго скрываться.

— Как говорила моя тетя Песя, оно таки все равно всплывет, — согласилась с ней Зоя Саввична, закуривая очередную сигарету.

Только они собрались идти в столовую обедать, как Ирма вдруг пошла в другую сторону, к выходу в сад. Все встало на свои места, когда среди высоких георгинов, что насадила здесь хозяйственная Алька по тропинке от калитки, показался Эрик. Ирма всегда его чувствовала, когда он только появлялся на их улице.

— Мистер всезнайка идет, — сказала Зоя Саввична, улыбнувшись. — Давайте подождем и выслушаем его, а то со своими очередными умозаключениями и огромным эго этот нудила не даст нам пообедать. Да, Бегемот? — она взяла на руки только что пришедшего с прогулки кота. Тот пусть

неохотно, но все же подчинился хозяйке и стал терпеть ее поглаживания.

— Приветствую всех, — сказал профессор Единичка, радостно забежав по ступенькам на веранду и стряхивая со своего клетчатого костюма капли дождя.

Все тут же заметили его счастливое лицо. Эрик редко показывал свои эмоции, и обычно он это делал, когда разгадывал какую-то сложную загадку. Так как никаких дел в агентстве сейчас не наблюдалось, то все немного напряглись, только Ирма, несмотря на мокрый костюм, обняла брата.

Именно так она его теперь называла, и Эрик не сопротивлялся, потому что в какой-то степени они и были родственниками по факту странного появления на свет в секретной лаборатории изучения человека группы СНИР, которая расшифровывалась как Союз научных институтов России. Там советские ученые, соревнуясь друг с другом, решили произвести на свет людей будущего. Они придумали систему выделения лучших генов и опередили тогда свое время на десятилетия, хотя, может, и на столетия. Первой об этом рассказала Эрику его мама в предсмертной записке.

Эрик был не в состоянии тогда поверить в то, о чем писала мать, но все же начал собирать информацию. Поиски долго стояли на месте: во-первых, сама группа СНИР, работающая в конце восьмидесятых - в начале девяностых, - была очень сильно засекречена, ну а потом, как оказалось, пожар, что описывала мама, уничтожил и лабораторию, покрыв пеплом

все, что там было: и бумаги, и людей. С помощью полковника Эрик[2] все же нашел того профессора в ведомственном доме престарелых; тот молчал с самого пожара. Как сказала врач, повредился рассудок. Но однажды, когда его не видели ни врачи, ни пациенты больницы, он все-таки заговорил с Эриком.

«— Вот ты какой, Единичка, — вдруг сказал тогда Кузьма Петрович надтреснутым, еле слышным голосом.

— Здравствуйте, — поздоровался Эрик. — А мне сказали, что вы не говорите.

— Да о чем с ними можно разговаривать? — у старика на губах заиграло подобие усмешки. — Глупый народец, не то, что мы с тобой. Не так ли?

— Кто я? — спросил Эрик прямо, боясь, что вернется врач и старик вновь замолчит. — Кто мои отец и мать? Я хочу знать.

— А ты готов к ответам? — спросил тогда старик, видимо, тоже решив говорить открыто. — Они тебе не понравятся.

— Готов.

— Нет у тебя ни отца, ни матери, — без эмоций выдал Кузьма Петрович, — тебя собрали в пробирке из разных генов, разных людей. Вот ты, например, знаешь, что, значит твое имя?

— Насколько я знаю, оно имеет скандинавские корни и

---

[2] Читай первую книгу серии "Закон навязанных обстоятельств"

означает „вечный правитель“, — ответил Эрик.

— „Вечный правитель“, — закряхтел вместо смеха старик. — Э — экспериментальная, р — разработка, и — института, к — Курчатова. Та женщина, которая родила тебя и вырастила, лишь инкубатор, у тебя нет ничего от нее. В тебе собраны гены лучших профессоров нашей страны, хотя нет, мы добавили еще и спортсменов. Мы создали такую систему работы с генами, что она опередила свое время. Когда страна начала разваливаться, я представил, что наш труд может попасть к врагу. На миг представил, что они, а не мы будут создавать суперсолдат по нашей системе, чтобы убивать нас же. Именно тогда я понял, что мы создали что-то пострашнее ядерной бомбы.

— Поэтому вы всех уничтожили? — спросил Эрик.

— В тот день ко мне, человеку, работающему в тайной лаборатории за семью, так сказать, печатями, пришел иностранец и очень просто, словно покупал рыбу на базаре, предложил денег. Представляешь? Я, конечно, тут же позвонил куратору КГБ для нашей программы, а он сказал, что написал рапорт и нашу лабораторию закрывают как неперспективную, нет средств. А я могу делать с открытием все что угодно, хоть американцам продать. Вот тогда я и осознал все.

— Сожгли бы документы, и все, — вставил Эрик с нескрываемым раздражением.

— Дурак, — беззлобно ответил ему Кузьма Петрович. —

Бумаги — это пшик, главное — головы, я не мог рисковать. Ты думаешь, я просто так молчу и маразматика из себя корчу? В том огне должны были погибнуть все, и я в том числе, просто меня вынесло взрывной волной из окна, когда сдетонировал газовый баллон. А после, когда пришел в себя, понял, что под постоянным контролем. Я даже покончить с собой не могу. Так что я и так дал слабину, с тобой вот, например, тоже. Пожалел, дурак старый. Ты должен был получиться физически способным и стать умным малым. Вышло?

— Ну, более или менее.

— Мы придумали систему выделения лучших генов, игнорируя плохие. Правда, могло быть так, что вытащили с плохими и что-то нужное. Наблюдается такое? — пытливо спросил Кузьма Петрович, оглядывая его с ног до головы, видимо, ученый в нем так и не умер.

— Я не умею любить, — ответил Эрик, немного смутившись.

— Физически? — уточнил профессор и крякнул вместо смеха.

— Физически как раз все в порядке, даже более чем, — заверил его Эрик.

— Ну тогда это еще не факт, может, просто не встретил свою. Я вот, например, тоже не очень-то любвеобилен был. Любовь — штука очень эфемерная, — не впечатлился информацией профессор. — В нашем союзе было три ин-

ститута.

— Я помню имя Ирма, — сказал Эрик, — и помню бассейн.

— О да, и — инновационная, р — разработка, м — московской, а — академии. Ирма Двойка. Хорошая получилась девочка. Должна была считывать эмоции людей на уровне подсознания, в действительности просто знать их. Ну вот как я вижу черные тучи, значит, пойдет дождь, так и она должна была чувствовать злость, агрессию и даже замысел преступления. Это был очень оригинальный подход к сверхчеловеку, интересно, получилось ли. Их с матерью я тоже выгнал из того здания, но, в отличие от тебя, ей не очень повезло с инкубатором. Такая, знаешь, фифа, которая только о себе думает. Она и в наш проект-то попала за деньгами, им, инкубаторам этим, хорошо платили и много обещали: квартиру, машину.

— Я — Единичка, Ирма — Двойка, — сказал Эрик. — Была и Тройка?

— Да, — сказал Кузьма Петрович, — было выбрано на начальном этапе три проекта. Все было секретно, но вас мы должны были изучать, как вы будете взрослеть, прогрессировать, социализироваться в обществе, поэтому вашим матерям и вам выдали настоящие документы, просто с печатью о разводе с некими Единичкой, Двойкой и Трояком.

— Как звали Трояка и в чем была его уникальность? — спросил Эрик, но тут на дорожке появились Василий Васи-

льевич с доктором, Кузьма Петрович закрыл глаза и откинулся на спинку».

Больше, сколько ни ходил Эрик к нему в больницу, профессор с ним так и не заговорил, изображая из себя невменяемого. Естественно, Эрик все это рассказал Двойке, когда та немного пришла в себя, и Ирма решила, что раз так, то они брат и сестра.

— Пойдемте обедать, — радостно сказала Ирма. Она всегда расцветала, когда Эрик был рядом. Хоть ей и был сорок один год, как и Эрику, но благодаря своей хрупкости, мелким чертам лица и белой, матовой коже девушка казалась двадцатилетней.

— А Василий Васильевич здесь? — спросил Эрик, не в силах сдержать улыбку.

— Нет еще, — ответила Ирма, а Юлий, глядя на Зою Саввичну, сказал:

— Ой, не нравится мне его улыбка, аж мурашки по коже поползли.

— Размером с Бегемота, — согласилась Зоя Саввична.

Но рассказать Эрику то, что так выпирало наружу, было не судьба.

Тропинка к дому вновь перестала быть безлюдной: сейчас, маневрируя между высокими георгинами, по ней шла странная процессия. Впереди шагала широкая дама, одетая в строгое черное платье с белым воротником, маленькой шляпкой, словно приклеенной к полностью седым волосам,

с которой спускалась вуаль, и с жутко брезгливым выражением на лице.

В руках дама несла небольшой, но, видимо, очень дорогой лаковый ридикюль. Несла она его так торжественно, словно бы это был ее честно завоеванный трофей.

За ней, как привратник, следовал невозможно высокий мужчина, неся над дамой зонт. Он был настолько высокий, что женщина казалась ему по пояс. Было видно, что мужчина тяготится своим ростом, идя чуть сгорбившись. Замыкал же всю эту процессию Василий Васильевич Бурлаков, полковник ФСБ в отставке, бывший руководитель экспериментального отдела, благодаря которому зимой и познакомились Эрик, Юлий и Зоя Саввична, а ныне директор детективного агентства «Проект 213: Учитель».

— И что ты, Зойка, пялишься на меня, словно я второй раз за день к тебе зашла покушать? — громко произнесла дама, поднимаясь на крыльцо.

У Зои Саввичны руки опустились, и кот Бегемот, которого она держала на руках, с грохотом приземлился на деревянный пол веранды.

Дама по-хозяйски молча прошлась по помещению, как генерал перед строем рассматривая своих солдат, отряхнула капли дождя со своего платья и довольно ухмыльнулась.

— Нет слова «кушать», — вдруг сказал громко Юлий.

Если бы его сейчас кто-то спросил, зачем он произнес, данное утверждение, то Юлий и сам бы не смог ответить.

Возможно, от испуга.

— Молодой человек, не стоит так ущербно демонстрировать то немногое, чем вы располагаете, — ответила женщина Юлию, и тот, услышав у гостьи знакомые нотки, удивленно взглянул на Зою Саввичну, которая сейчас стояла в полной прострации.

На веранду уже подтянулся Василий Васильевич с огромными чемоданами в руках; он молчал, округлял глаза и пытался отдышаться.

— Ну, я так понимаю, — улыбнулся Эрик, сегодня как-то особенно улыбчивый, — что мы имеем честь видеть перед собой ту самую легендарно-знаменитую тетю Песю?

— Я был уверен, что вас не существует, — радостно сказал Юлий. Казалось, он сейчас лопнет от детского удивления, которое обычно тесно граничит с радостью, и начнет хлопать в ладоши.

— Молодой человек, попробуйте ненадолго перестать быть главным событием моего дня, — сказала тетя Песя, вытащив из ридикюля веер и начав им обмахиваться. — Прости, если перевести на понятный тебе сленг: сдрисни, парниша.

Тот независимо от резких слов в его адрес еще радостней заулыбался, словно найдя подтверждение своим словам, и стал удивленно смотреть на своих коллег, которые не спешили это делать.

— Зойка, — обратилась женщина опять к Зое Саввичне.

— Не смотри на меня как мой второй муж на белку, что заглядывала к нему по понедельникам перед работой, я не исчезну.

— Тетя Песя, — пытаясь прийти в себя, сказала Зоя Саввична. — Вы что, живы?

— Я тебя умоляю, Зойка, не выдавай желаемое за действительное, — скривившись, сказала дама и добавила уже более миролюбиво. — Не дождешься. И вообще хватит хватать ртом воздух, вспомни, что у тебя есть воспитание, которое я тебе давала, совершенно не жадничая. Мы с Котиком с дороги и очень устали, ты и так заставила нас сидеть у твоей двери почти сутки, пока не пришел этот.

— Но зачем? — удивилась Зоя Саввична. — Есть же телефон.

— Не беси меня, я удалила твой номер, когда решила умереть, думала, что он мне на том свете совершенно незачем, — вновь скривилась дама. — Но даже гении ошибаются. Долго еще будет длиться допрос, или ты все же вспомнишь, что я двоюродная сестра твоей покойной мамы, и прекратишь ее позорить? Испортила тебя твоя контора. У нас с Котиком большая беда, просто огромная, пропал ребенок, и я вспомнила, что ты когда-то была милиционером. Так себе профессия, конечно, но мне сейчас оно надо.

— Я уже давно на пенсии, — неуверенно сказала Зоя Саввична.

— Не ври мне, — сказала тетя Песя. — Я знаю, что ты

детектив, мне Филипп говорил.

— Мой сын Филипп вот уже третий день не выходит на связь, — вставил Котик.

— Сколько лет вашему сыну? — спросил Эрик.

— Тридцать пять, — ответил Константин и вздохнул, видимо, понимая, что взрослого человека могут отказаться искать, в отличие от ребенка.

— Я уверена, ты, Зойка, справишься. Все разговоры через два часа, а сейчас мне нужен душ, отдельная комната и, возможно, обед, хотя я еще не проголодалась. Нет, от этой дороги совсем расхотелось есть. Попроси свою прислугу, — она показала веером на Ирму, видимо, потому что та стояла в кухонном фартуке, — пусть принесет кофе и круассан в мою комнату. Два. Ты, — она указала на Юлия, — проводи меня. Котик, за мной, — скомандовала она высокому гражданину, — и забери у доходяги эти чемоданы, а то он сейчас сделает себе инсульт.

Когда каравелла под именем тетя Песя скрылась в недрах дома, Котик все же решил представиться:

— Константин Котик, прошу прощения за наше вторжение, но нам отказала полиция, и когда Песя что-то решает, ей лучше не перечить, проверено сто один раз, возможно, даже больше, я не считал.

— Соглашусь, — произнесла ошарашенная Зоя Саввична. — Юлик, сделай, что она просит, все вопросы потом.

Дневник Фанни Дюрбах

Санкт-Петербург 1844 год.

Дневник я решила вести в Воткинске, но начать его все же стоит с Генриетты.

Мое детство прошло в атмосфере строгой протестантской морали и вековых устоев. Родившись в небольшом городке Монбельяр на востоке Франции, недалеко от границы со Швейцарией, я чтила тесно переплетенные здесь немецкие и французские традиции. Вернее, у меня не было выбора: я не могла этого не делать, так как регион являлся резиденцией герцогов Вюртембергских.

Я росла хоть и в скромной, но интеллигентной и уважаемой герцогами протестантской семье. С ранних лет получала прекрасное, разностороннее образование: в совершенстве владею французским и немецким языками, знаю географию, историю и литературу.

Наша семья Дюрбах не была, что называется, богатой, и потому, когда мне исполнилось двадцать два года, молодой девушке, да еще и без приданого, имеющей прекрасное образование, ничего не оставалось,

как отправиться гувернанткой за границу.

Выбор мой пал на далекую и холодную Россию. Логика в этом была проста: Монбельяр был родиной российской императрицы Марии Федоровны, жены Павла I, урожденной принцессы Софии Доротеи Вюртембергской. Из-за этого исторического факта между Монбельяром и Санкт-Петербургом наладились прочные многолетние связи, многие плавно перерастающие в родство. Бывало, что половина семьи жила в одном городе, а другая половина — в другом, причем вся большая семья считала оба города, как, впрочем, и обе страны родными.

Многие мои знакомые уже работали в России учителями и гувернерами, и, переписываясь с ними, я обычно получала довольно лестные высказывания и о людях, и о стране. Главным же фактом было то, что в России хорошо за это платили, в отличие от той же Франции, да и Швейцария с Германией не могли похвастаться высоким жалованием. При этом уже работающие знакомые уверяли, что в России, которую в Европе считали необразованной и грубой страной, очень почтительно относились к людям их профессии. Учителя и гувернантки в семьях были на равных с нанимателями, пользуясь общими благами. Например, их усаживали за обеденный стол вместе с семьей, селили в общем доме, оплачивали поездки и дарили

подарки. Конечно, я в это не верила, но все рассказы были довольно убедительными и красочными.

Окончательным же аргументом в пользу поездки в далекую Россию для меня стала Генриетта — старая ведьма, живущая на окраине города.

Однажды, как раз в пору размышлений о поездке, я шла домой после занятий в местном церковном хоре, который иногда от скуки посещала. У меня не было ни слуха, ни особого голоса, ходила же я туда, чтобы послушать других и поразмышлять о смысле жизни. В церкви особо хорошо думалось о чем-то великом, о чем не подумаешь над пяльцами или чаем. Я старалась никому не говорить о своих мыслях, потому что для молодой девицы они как минимум не подходят, но не думать не могла. Кто мы? Зачем мы пришли на эту землю? Почему одним выпадает счастье, а другим сплошное горе? И еще очень много вопросов без ответов, о которых, как я считала, невозможно не думать.

Вот, возвращаясь оттуда, под тяжестью мыслей, которые не должны по идее мучить молодую девушку, я и заметила сидящую на дороге Генриетту-ведьму. Надо сказать, ее в нашем маленьком городке побаивались и шептались за спиной, но я не верила слухам и потому подошла к пожилой женщине.

— Что с вами? — спросила я, приглядываясь в су-

мерках, открыты ли ее глаза.

— Голова закружилась, — тихо ответила Генриетта и, помолчав, грубо добавила: — Проходи мимо.

Эта бравада мне показалась немного наигранной, и потому я еще раз уточнила, несмотря на настрой сидевшей на земле дамы.

— Я могу вам чем-то помочь?

Генриетта-ведьма немного помолчала, словно бы обдумывая свои слова, и нехотя добавила:

— Помоги мне подняться.

Когда с трудом, но я все же поставила ее на ноги, оказалось, что нога ведьмы подвернута и наступать на нее женщине было сложно.

— Мне буквально два дома пройти, — сказала Генриетта. — Сама попробую.

Но я не дала ей этого сделать: положила ее руку себе на шею, и мы потихоньку зашагали.

Более того, даже подойдя к дому, я не остановилась, а завела пожилую даму в дом. Там, как ни странно, не было беспорядка и грязи, не летали вороны и не варилось зелье. Это был уютный дом одинокой пожилой женщины и не более.

Генриетта тоже перестала сопротивляться помощи и, оказавшись дома, уже вовсю командовала мной.

— Вон там таз, там тряпки, а вон там трава. Ты запарь ее и в отваре вымочи ткань. Ею надо обвязать

ногу.

Когда все было сделано, и я собралась уходить, Генриетта меня остановила:

— Задержись. Ты же знаешь, что меня ведьмой зовут?

— Знаю, — ответила я, уже полностью перестав ее бояться и считая пожилую женщину чуть ли не другом.

— Знаешь почему? — спросила Генриетта, хитро прищурившись.

Сейчас, когда она была на своей территории, в собственном кресле и с перевязанной ногой, выглядела не жалкой, как это было на дороге, а даже величественно, словно она знала что-то большее о жизни, чего не знали другие.

— Нет, — честно ответила ей я.

— Потому что хотела помогать людям. Много рецептов мне осталось в наследство, знаю, как одной травой боль унять, — она показала на ногу, — другой травой жар снять, но люди же неблагодарные животные. Сначала принимают заботу, а потом кидают тебе в спину камни.

— Зачем вы так? — перебила ее я.

— Молчи, — махнула беззлобно рукой Генриетта. — Жизни еще не знаешь. Так что не ведьма я никакая, — закончила она, вздохнув, словно бы ей было важно,

что теперь думает об этом ее спасительница.

— Понятно, — просто ответила я, не зная, что ей еще сказать.

— Хочешь, погадаю? — вдруг спросила Генриетта и, не дожидаясь ответа, достала из-под скатерти странные карты. — Ты только никому не говори об этом: разнесут, напридумывают больше, чем есть.

Я молча подошла и села рядом у стола. Генриетта пошептала что-то над большой удлинённой колодой, дала мне снять несколько карт и стала выкладывать их определенным узором.

— Ну что, ехать тебе надо, вот куда ты сейчас думаешь, сомневаешься, не мешкай, езжай. Это судьба твоя.

— Найду там любовь? — с надеждой спросила я: как и все молодые девушки, я грезила большими чувствами, но Генриетта резко и насмешливо оборвала меня, убив мои мечты.

— Нет, ты там не мужа найдешь и не богатство заимеешь, ты сделаешь там что-то большее, — ответила она, завороженно глядя на карты.

— Не понимаю, — расстроилась я.

— Ну вот, смотри, — сказала Генриетта, с трудом оторвавшись от карт. — Мы тут как жуки навозные все ковыряемся, о себе любимых только и думаем. Как поесть сегодня посытнее, где денег побольше за-

работать и жилье получше купить, и дальше, дальше без остановки. Вот ты, к примеру, за день подумала о чем-то большем? Нет! А ведь карты говорят, что ты сможешь сделать что-то большее в этой жизни.

Я, конечно же, промолчала, не став разочаровывать Генриетту тем, что как раз я и подумала, возможно, даже больше, чем положено молодой девушке. Сегодня, когда я слушала репетицию церковного хора, я думала о людях, о том, что на земле очень много зла и оно здесь главное, о том, что я песчинка и не могу ничего изменить. Но ведь зачем-то мы, песчинки, приходим на эту землю? Раз Бог решил, что я, Фанни, без особой красоты и дарований, должна была родиться на этой земле, значит, в этом есть какой-то тайный смысл. Не может быть на земле, где идет вечная вражда Бога и дьявола за души, хоть что-то пустое. Все имеет свое предназначение. Вот только какое?

— На эту землю приходят люди-ангелы, они приносят людям спасение, — вдруг сказала Генриетта, словно подслушав мои мысли.

— Лекарства, — уточнила я, все еще не понимая, о чем речь.

— Нет, глупая, — разозлилась она, словно я не могла понять что-то очень простое, — хотя, может быть, они и лекарство новое придумают. Не знаю, у ангелов

одно предназначение — оберегать людей, делать их лучше. Но спасение-то у людей не только физическое, главное в человеке что? Душа! О ее спасении прежде всего думать надо, а мы забываем про это. Все роем под себя, роем деньги, богатство, золото, а это душу нашу не сбережет. Желудок набьет еда, тепло телу даст шуба, а душе нужны поступки, не разговоры, мол я такая золотая и хорошая, а поступки, те, что ты перед Господом предъявить сможешь на Страшном суде. Только они душу спасают.

— А зачем я этому человеку-ангелу? — спросила я осторожно, стараясь больше не вызвать гнев Генриетты.

— Не спрашивай меня много, карты этого не говорят, только лишь человека-ангела на твоем пути показывают. От бабки я знаю, что у таких людей хрустальная душа, очень непрочная, особенно в детстве, и они в помощи нуждаются. Чтобы могли принести что-то светлое в наш мир, помощники им нужны. Потому как именно светлого нам всегда и не хватает. Дьявол проворнее и знает, как на людей давить и задабривать, поэтому зла у нас в преогромном количестве. Вот таким помощником ты и будешь, а иначе без тебя он ничего не сможет, просто умрет, расколотив свою душу, как стекло. Сколько таких ангелов полегло, не успев ничего сделать, и не сосчитать. Их помощники струх-

нули, или душу дьяволу продали, и все: не сдюжил ангел, не обрел силу для больших поступков.

Когда я уже уходила, Генриетта окрикнула меня в дверях.

— Возьми, — она сняла с шеи подвеску из черного камня на толстой золотой цепи и протянула ее, — когда надо будет тебе что-то отдать взамен, отдашь это. Не придется жертвовать собой. Пусть это будет моей благодарностью тебе, что дотащила до дома, не пройдя мимо. Запомни, хуже всего быть кому-то должным и не важно, материальный долг или нет. Мой совет тебе, не принимай ничего просто так. Кто-то сделал тебе добро — отблагодари его в ответ, лучше деньгами или едой, иначе судьба заберет нечто большее. За все надо платить в жизни и это не просто слова. Вот теперь и я тебе больше ничего не должна. Да не трепись ты там, что гадала я, самой же хуже будет.

И вот сейчас я нахожусь в Санкт-Петербурге.

Сегодня была в конторе по найму гувернанток. Сидела долгое время и теребила на шее подаренное Генриеттой украшение.

— Мисс Дюрбах! — из кабинета вышел молодой человек и окликнул меня. Волнуясь, я поспешила к нему.

— Прекрасное предложение, — сказал он, улыбаясь. — Илья Петрович Чайковский, начальник Камско-Воткинского завода, между прочим, большой че-

ловек и богатый, ищет гувернантку для своего сына Николая и племянницы Лидии. Вы им подходите, и семья предлагает вам отличное жалование, намного больше, чем предлагают в Петербурге. Но есть нюанс: добираться туда придется три недели.

— Пусть будет так, — сказала я, и в этот момент мне показалось, что украшение на шее стало горячим, словно бы сейчас Генриетта одобряла мое решение.

Глава 2

— Вы наденьте мои сапоги, наденьте,
Да пройдите в них по дороге слепо
И пальто на себя мое тоже примерьте,
Вот тогда вы поймете, как все мне упало с неба.

И тогда вы прочувствовать сможете радость победы
Где-то там в глубине, очень сильно смешанной с кровью,
И успех, тот успех, что летит сильнее ракеты,
Был сполна оплачен солнцем, весной и любовью.

А картинка, что так привлекает чужое вниманье,
Не закроет душевные дыры, что воют от горя,
Ну а крестная фея, что знает любое желанье,
Предает очень быстро, как та старуха у моря.

Может быть, вы тогда поймете, как было трудно,
Искупаетесь в море, куда я слезы сложила,
Те, что выплакать мне так хотелось прилюдно,
Но это желание я на потом отложила.

Вы наденьте мои сапоги, наденьте,

Да пройдите в них по дороге слепо,
И пальто на себя мое тоже примерьте,
Вот тогда вы поймете, как все мне упало с неба.

— Ну и как тебе? Я сама написала. Что молчишь? Не понравилось? Мне сказали, что очень талантливо. Врут, наверное, но пусть врут. Мне многие врут, но это лишь показывает мое одиночество. Знаешь, что такое истинное одиночество? Это когда даже в вилянии хвостом своей собаки ты видишь корыстный умысел. Ты уверена, что ей что-то от тебя надо: погулять, поесть. И вот как с этим пониманием жить дальше, не знает никто, — сказала грустно Поля. — Мне тридцать восемь, и я не могу выйти замуж, потому что не просто боюсь, а уверена, что все претенденты на роль второй половины хотят только моей славы. Даже не так: они не дураки и понимают, что забрать ее у меня они не могут, всем хочется просто искупаться немного в ней или же пройти по ее краешку, зацепив своими жадными ручонками, что смогут. Потому что она у меня настолько огромная, что им, мелким, будет этого достаточно. А потом, подпитавшись моей славой и пропиарившись на моем имени, они уйдут в другую жизнь, искать уже настоящую любовь, в которой будут вполне счастливы. И вот как тут быть? Как жить дальше? Я устала делать других богатыми и успешными, не получая в ответ ничего. Мои нервы на пределе, и уже не радует ни работа, ни съемки, ни даже подписчики, представляешь, ничего! Пришло понимание, что меня нельзя полюбить просто потому, что я Поля

и все. Я никому, абсолютно никому не верю! Это страшно и больно одновременно! Я словно натянутая струна. Я не могу даже заплакать, нет слез. А почему? Потому что внутри пусто. И ты мне не помогаешь совсем, только деньги берешь, — в сердцах сказала звезда.

Психолог, к которому певица, ведущая и блогерша ходила уже несколько лет, только тяжело вздохнула, видимо, истратив все свои аргументы.

— Что вы знаете о Чайковском? — вдруг ни к месту спросила психолог свою знаменитую пациентку.

— Ничего, — просто ответила Поля. Все знали, что она не очень образована, но совершенно не стесняется этого. — Но я смотрела «Щелкунчик» и «Лебединое озеро» в Большом театре в Москве, «Спящую красавицу» в Лондоне. В Москве мне не понравилось: там ставилась, как мне сказали, классика, и я засыпала все представление, но контент надо пилить, и я держалась, так ничего толком и не поняв. А вот в Лондоне было странно, но интересно. Мне предварительно все, конечно же, рассказали, что будет твориться на сцене. Там хореограф превратил классическую сказку в историю о вампирах. Принцесса Аврора засыпает в XIX веке и просыпается в наши дни среди современных автостопщиков, а ее возлюбленный становится бессмертным вампиром, чтобы дождаться ее сквозь века. Красиво! А может, нет ее любви-то этой? — вдруг спросила Поля. — Может, ее придумали эти, ну типа вашего Чайковского, а это всего лишь

взаимовыгодный обмен и ничего большего.

— Полина…

— Я просила называть меня Поля, — перебила психолога звезда.

— Поля, — не стала спорить женщина. — Не верь никому на слово, даже мне. Все в этой жизни надо проверять, но есть такой специалист.

— Ближе к телу, — перебила психолога Поля.

Иногда психотерапевту казалось, что не она, а звезда интернета и телевидения проводит здесь сеансы, и именно Поля Жук решает, в какую сторону они пойдут в терапии, но не сопротивлялась этому. Как говорится, любой каприз за ваши деньги.

— Есть один очень талантливый человек в психологии. Это светило! Американский специалист, обладающий гипнозом на уровне сверхспособностей. Джейк Мартовский — легенда, его даже называли новым Мессингом по уровню владения публикой. Он управлял залами и менял людей. А еще он очень таинственная личность, никто не видел его в лицо. Но примерно лет пятнадцать назад Джейк бросил все и исчез. Поговаривают, что сейчас он создал клинику у нас, воплотив в ней собственную методику. Так вот, писатели лечатся у него от выгорания, артисты снимают усталость популярности. Там, конечно, очень странные методы, человек полностью лишается связи с окружающим миром, он должен подчиняться назначенному лечению, но все, кто там по-

бывал, говорят, что это реально работает. Авторский курс совместно с талантом мастера творят чудеса. Правда, так же утверждается, что его очень трудно пройти, но те, кто все-таки выдерживают, становятся свободными от своих проблем. Там нет авторитетов, не будет учитываться твоя слава, там ты окажешься такой же, как пришла в этот мир и какой уйдешь — без нажитых грехов и успехов. Голая, имеется в виду ментально.

— Да где там-то? — психанула Поля и встала с мягкой кушетки, но по ее глазам стало понятно, что сказанное психологом заинтересовало приму.

— В Удмуртии, недалеко от места, где родился Петр Ильич Чайковский, я потому про него и вспомнила.

— Л-логика, — закатила глаза звезда. — Давай без разгона, сразу к сути, — сказала Полина недовольно. — Чайковского зачем-то приплела.

— Я вот услышала на днях, что сейчас его помощница набирает группу. Людей она выбирает по одним лишь им известным принципам, многих отвергают без объяснений. Утверждают, что именно мастер будет вести лечение. Земля слухами полнится, они действительно помогают и потому отбоя от клиентов у них нет. Его даже называют не психологом, а волшебником. Я могу дать тебе контакты, но гарантировать, что тебя возьмут, не могу.

— Просто зарабатывают на этом бабло. Всем, у кого оно есть, нравится все это тайное, закрытое…

— В том-то и дело, — вздохнула доктор, — что в этот раз денег они не берут за лечение. Дэн Ветер, ты ведь знаешь такого? Говорят, у мальчика на фоне славы в 15 лет крышу снесло, так вот вернулся он оттуда, если верить слухам, совсем другим человеком.

— А и правда, — сказала звезда удивленно. — Ведь Ветер стал другим.

— Так что подумай, возможно, тебе нужен не просто психолог, как я, а почти волшебник, — очень грустно сказала докторша. Поля отнесла эту грусть на то, что сейчас своим признанием она лишалась большого и стабильного заработка, который был у нее вот уже десять лет.

— Я подумаю, — сказала Поля, принимая от своего психотерапевта странную визитку, на которой было только название сайта.

Когда за известной клиенткой закрылась дверь, женщина набрала на телефоне номер, ставший уже привычным за последние несколько дней.

— Я сделала все, что вы сказали, — проговорила она, как только гудки прекратились. — Вы можете обещать, что информация не попадет в интернет?

— Посмотрим, — прошелестел голос. Женщина понимала, что это ненастоящий голос, а скорее всего измененный искусственным интеллектом, но все равно от его холода мурашки бежали по коже.

— На что? На что вы посмотрите? — Она набралась сме-

лости и спросила, даже немного повысив голос на собеседника. — Я все сделала, как вы просили! — повторила она настойчиво.

— На то, как ты будешь молчать, — произнес голос и отключился.

Глава 3

Мэриам, а по паспорту Марина Окунь, сидела на полу своего аквариума, так она называла прозрачный дом, у которого и стены, и потолок были стеклянные, и получала энергию из космоса. Сегодня утренние головные боли, эта обратная сторона ее дара, та самая плата, что сидит в ней без права выкупа, были не такими сильными, как обычно, но это всего лишь потому, что она сильно не работала. От слова «работа» ее передернуло.

Телефон, видимо, тоже среагировал на это слово и пикнул.

«Пятый написал?» — прочитала она на экране.

«Нет, жду», — ответила она и, отложив гаджет, постаралась поймать маленькую, тоненькую искорку счастья.

Мэриам и сама уже не знала, внушение это или на самом деле она чувствует этот поток силы.

Когда-то деревенская девочка Маринка не верила ни в Бога, ни в черта и могла поспорить на собственную почку, так как больше у нее ничего не было, что ничего из этого не существует. Что наши бренные тела умирают тут на земле и никакого продолжения просто нет. Может, поэтому она стала врачом, понимая, что надо постараться задержаться на этом свете. Но именно обучение в медицинской академии и заста-

вило Марину впервые поверить в то, что на свете есть что-то большее, чем человек. Обучаясь на реаниматолога, она не раз дежурила по ночам в больнице и видела всякое, но началось все, конечно, со взвешивания.

У каждой атеистки Марины должна обязательно быть подруга Кристина, иначе все не имеет смысла. Однажды она предложила эксперимент:

— Давай деда взвесим, — сказала она на полном серьезе.

Марина даже сначала не поняла, что именно подруга имеет в виду.

— Какого деда? Зачем?

— Петра Борисовича, — ответила Кристина, указывая на пациента реанимации. — Врач сказала, что сегодня он точно умрет.

— Я слышала это, — сказала Марина. Они были интернами, и их в отделении никто всерьез не воспринимал. Но зачем взвешивать?

— Ты поймешь, что душа есть, — просто ответила Кристина. — Он будет весить по-разному до смерти и после. Что слабо́?

Это сейчас, в свои двадцать восемь лет, Мэриам знала, что нет ничего хуже этого самого слабо́, но тогда… Тогда она согласилась.

Как они это делали, даже сейчас вспоминать не хотелось, но факт оставался фактом. Петр Борисович умер той ночью, и разница в весе была двести грамм.

— Это вес души, — сказала Кристина завороженно. — Вот ты знаешь, ни больше ни меньше — двести грамм. И у плохих людей, про которых говорят, что души у них нет, и у хороших, что числились при жизни людьми с широкой душой, абсолютно у всех она есть и весит двести грамм.

Даже теперь, вспоминая этот случай, Мэриам чувствовала, как по телу бегут мурашки. Она тогда так и не спросила, откуда такая большая статистика у подруги, а просто медленно, без резких слов и движений перестала с ней общаться.

Недавно ей вдруг захотелось узнать, что же случилось с давней знакомой, и она обшарила весь интернет, вбивая ее ФИО в поисковике, но ничего не нашла. Немного информации получилось достать лишь от их общего одногруппника. Оказалось, что Кристина постриглась в монахини.

Вот так вот.

Мэриам позже уточнила, в каком она монастыре, и хотела съездить навестить старую подругу, но постоянно находила поводы, чтобы отложить поездку. Объясняя себе это тем, что та, даже постриженная в монахини, предложит ей очередное безумие.

Хотя, может, она боялась другого — осуждения старой знакомой? Осуждения того, чем она сама занимается.

Мысли о подруге сбили весь настрой, и она открыла глаза.

За все надо платить, вот и она платила за то, что делает, — одиночеством и пустотой, что давно сидела у нее внутри вместе с даром. Полгода назад в сети познакомилась с муж-

чиной, и ей сразу показалось, что она встретила родного по душе человека. Они сначала переписывались, а потом Мэриам все же решилась поговорить по видео. Ну это же всего-навсего видео. Именно тогда она поняла, что ей не надо ничего, ни работы, ни денег, ни даже дара — абсолютно ничего, только семейное счастье с любимым человеком. Она наконец встретила того, о ком даже не мечтала.

Но, к сожалению, не все так просто.

Потом были мольбы на коленях перед Джейком снять с нее то, что он поставил, отпустить к любимому человеку, и слезы, много слез, но и это не помогло.

Вспоминать про свое унижение не хотелось. Пытаясь отвлечься от вязких, мерзких картин, которые сегодня просто атаковали ее, она огляделась. Это иногда работало, надо было только зацепиться за что-то простое, земное, обычное.

Сейчас здесь пусто, но уже скоро все закрутится и станет очень интересно. Нет, не гостям, им, может быть, даже немного страшновато.

В кармане завибрировал телефон.

— Да, — ответила она, спокойно стараясь не показать вновь пришедшего раздражения, но тот, кто звонил, почувствовал его. Он всегда все чувствовал, Мэриам даже не понимала, кто он на самом деле: человек или черт.

— Ты раздражена, — ответил он ей недовольно. — Возьми себя в руки. Ты должна излучать спокойствие и силу, заезд гостей уже через несколько дней. В этот раз, надо сказать,

подбирается шикарная компания, у меня должно все получиться. Я уже выбрал четверых, принеси мне пятого.

«Ага, — ухмыльнулась про себя Мэриам, — как же, ты выбрал».

— Если в этот раз все получится, так и быть, я тебя отпущу, только надо сделать так, чтобы ничего не сорвалось. Возможно, после этого я и вовсе закрою клинику.

— Я в порядке, — сказала Мэриам настолько уверенно, насколько смогла.

Когда же она положила трубку, то, закрыв глаза, начала молиться, так как не молилась никогда. Каждая слезинка, что катилась по ее щеке, была наполнена просьбой: пусть все получится, как же хочется свободы, как же хочется быть рядом с любимым человеком.

Она открыла сайт и стала смотреть заявки, пятый пока не написал. Ждем.

Глава 4

Джейк Мартовский корчился на полу, постанывая от боли и ужаса. Сегодня пришлось работать немного больше обычного. Однажды он пообещал беречь себя и не заходить за грань своих сил, но сейчас были особенные обстоятельства.

Он чувствовал, что на финишной прямой, что еще немного, и все получится. Что эти головные боли и ужас, которые наваливаются на него, когда он чуть больше работает, отступят навсегда, и он получит покровительство неба над собой, над своим талантом. Тогда можно будет работать, не оглядываясь по сторонам. Можно будет покорять мир. Можно будет спасти дочь.

Он знал, что он гений. Всегда знал, но вот справиться со своей гениальностью не мог, не хватало сил, и вот забрезжил свет облегчения. У него все получится, надо лишь немного потерпеть. Появился рецепт, настоящий, который уже срабатывал однажды, и тому даже есть свидетели и записи. Главное, чтоб люди были подобраны правильно. Он очень старался вызвать сюда лучших и, возможно, угадал с ними.

В комнату уже ломились, видимо, услышали стук падающего тела и разбитой вазы, которую он задел, когда потерял сознание. Открывать нельзя. Никто не должен знать его тайны, никто! Он и так однажды слишком прокололся. Тот про-

кол, правда, принес ему дневник Фанни Дюрбах, но все же надо быть осторожным. Проколы всегда возвращаются, всегда. Надо сто раз подумать, прежде чем перед кем-то раскрываться, но он был на тот момент очень уязвим и сделал ошибку. Сейчас это удалось решить, но он себе пообещал, что больше такого не повторится никогда и ни с кем.

— У меня все нормально, — крикнул он сквозь шум в ушах, не разбирая, что кричат ему через дверь, — я просто разбил свою любимую китайскую вазу династии Цин, которая стоила мне пять тысяч долларов. Так что сам виноват. Хотя, судя по осколкам, меня крепко надули.

Конечно же, он не видел никаких осколков. Говорить было трудно, грудь сдавливало, а шум в голове не утихал, но он очень старался, и, похоже, ему поверили, потому что истерический стук в дверь прекратился.

— Все идите, — сказал он, уже не понимая, слушают ли его за дверью или нет, — я еще погорюю над своей потерей и выйду.

В этот момент боль его отпустила, и он провалился в тишину, как в пустоту, наслаждаясь каждым мгновением.

— Все-таки неблагодарный народец эти люди, человеки, мать вашу, — сказал он вслух специально, чтоб слышать свой голос. После приступов это было очень важно для ощущения себя — вам, говнюкам, для того чтобы понять, как это прекрасно жить на белом свете, нужно непременно побывать в аду. По-другому вы не понимаете.

На этих мыслях он отключился, проваливаясь в глубокий сон. Этот сон продлится почти сутки, иначе организм не восстановить.

Глава 5

— Ну, — сказала тетя Песя, оглядывая компанию за столом, — чего молчим? Ой, Зойка, говорила я тебе, что ты друзей выбираешь, как мой второй муж ножи — вечно…

Понимая, какое слово за этим последует, Зоя Саввична перебила родственницу:

— Что? — спросила она вполне добродушно, — устала быть мертвой?

— Можно подумать, ты так переживала, что кушать не могла, — скривилась тетя Песя и, повернувшись к, надо сказать, молчавшему на этот раз Юлию, добавила, — молодой человек, вы только два раза не наступайте на одни и те же грабли, покажите еще, что вы не безнадежны.

— «Кушать» — слово есть, — довольно кивая головой, сказал Юлий и тихо добавил, когда тетя Песя отвернулась, — только кушают дети и собаки, а взрослые люди едят.

— Зря ты, Зойка, я между прочим и Котику, и Фильке про тебя рассказывала постоянно, скажи же? — обратилась она с подтверждением к своему спутнику, — так мне Филипп даже нашел тебя, узнал, что ты в каком-то детективном агентстве теперь работаешь. Я, между прочим, была так рада, что сразу прикусила язык, чтоб не сглазить. Он мне даже телефон вашего агентства давал.

— Так что по нему не позвонила? — удивилась Зоя Саввична.

— Так потеряла, — пожала плечами тетушка, — теперь где я и где тот номер. Обыскала весь карман, нету. Хотя, в моем возрасте, доктор сказал, уже можно не помнить, где право, а где лево.

— В общем так, друзья, — сказала Зоя Саввична, поняв, что пора объясниться. Ее товарищи были терпеливы и целый день ни о чем не спрашивали, но когда все собрались за столом, включая тетю Песю и ее Котика, то возможности уйти от разговора уже не было. Притом, что сама тетушка не спешила это делать. — Прошу любить и жаловать: моя тетя Песя, двоюродная сестра мамы.

— Ты чего, Зойка, мелочишься, жили-то как родные, — возразила родственница, уплетая с аппетитом приготовленные Ирмой пельмени, — хотя известно ведь, что Бог дал родственников, чтобы было на кого обижаться.

— Двадцать лет назад она вышла замуж и уехала в Германию. Не часто, но мы все же переписывались. Когда меня по причине возраста попросили из конторы, мне хотелось чем-то занять себя, и я решила поехать в гости к тете, но именно в тот момент пришло сообщение, что она умерла. Я хотела полететь на похороны, но ее муж в грубой форме прорычал мне в телефон, что делать этого не стоит, ее прах сожгли и развеяли над Парижем. И вот сегодня Василий Васильевич находит ее под моими дверями живую и даже немного рас-

полневшую, телефон тетушка, умирая удалила, а вот адрес забыть не смогла. Кстати, почему над Парижем, ведь ты жила в Берлине?

— Я всегда была романтиком, — пожала плечами тетя Песя, — что я, совсем не имею права быть над Парижем? И чтоб ты была здорова, как я была тогда счастлива. Мне обидно твое непонимание.

— Ну извини, — вскрикнула Зоя Саввична резко.

— Нравится мне ее извини, — сказала тетя Песя Константину Котику, который в отличие от своей спутницы ничего не ел, а только ковырялся в тарелке.

— Она права, — вдруг сказал он задумчиво, — зря мы приехали. Надо опять идти в полицию.

— Ничего не права, — перебила его тетя Песя, — чтобы Зойка была права, ей надо пожить еще чуть-чуть. Ты кушаешь? — спросила она своего друга, на что Котик отрицательно покачал головой, — а вид такой, словно ты покушал и тебе не понравилось. Ешь, — скомандовала она своему грустному другу, — нам нужны твои силы, а ты, Зойка, должна понимать: я тогда только-только, на счастье, в дверной глазок поглядела, вышла пятый раз замуж: все предыдущие были провальными проектами, чтоб им там на небе всем хорошо было, а тут ты со своей трагедией и прямо ко мне в Германию. Нет, я, конечно, со всем сочувствием о пропаже твоей дочери и зятя, но зачем мне портить жизнь своим лицом? Ты была тогда абсолютно лишняя, надо было немножéчко

понимать.

Зоя Саввична, не зная, как реагировать на откровенность тетки, замолчала, взглянув как-то уж сильно умоляюще на Эрика, словно бы спрашивая совета: убить тетю Песю сейчас или просто выгнать родственницу на улицу, и тот решил прийти к ней на помощь.

— Дорогие мои, — сказал Эрик, — а давайте мы с вами отвлечемся от семейных разборок, и я вам расскажу замечательную историю.

— А давайте, — сказал радостно Юлий, — ему тоже это все не нравилось, было жаль Зою Саввичну и еще Ирму, которая сжималась при каждом слове тети Песи, да и грустного Котика, у которого пропал сын, тоже.

— Василий Васильевич, — Эрик обратился к полковнику, который сидел за столом тише воды, ниже травы, видимо, ему крепко досталось еще в машине от тети Песи, и он не мог прийти в себя, — помните, в июне, когда мы похитили Ирму из сумасшедшего дома…[3]

— Чтоб я провалилась на этом месте, — сказала тетя Песя, подавилась пельменем и с опаской взглянула на девушку.

— Так вот, — продолжил Эрик, одновременно встав и похлопав закашлявшуюся тетушку по спине. Причем всем и даже самой тетушке показалось, что он это делает чересчур сильно.

— Да оставьте мне немного спины, — не выдержав, про-

[3] Читай вторую книгу серии "Закон "белых" мелочей".

кричала тетя Песя, — я уже спасена и хочу пожить немного на этом свете.

— Василий Васильевич тогда, — продолжил Эрик, наконец оставив в покое пожилую женщину, — попросил меня об ответном одолжении. Мне надо было найти его сына. Бывшая жена развелась с нашим полковником, лишила его родительских прав, надо сказать, этот документ товарищ В. В. Бурлаков подписал добровольно. Он посчитал, что новый избранник, с коим его жена пришла на развод и который держал мальчика на руках, лучше справится с обязанностью родителя.

Василий Васильевич от едких слов Эрика надулся, сдвинул брови и казалось, что сейчас взорвется.

— Но мы сейчас не будем обсуждать поведение нашего друга, — перевел разговор Эрик, — на самом деле в житейских делах мы, мужчины, очень глупы. И прекрасный специалист на работе вдруг не замечает каких-то очевидных вещей в повседневной жизни. Почему жена так резко решила разводиться, когда сыну года еще не было. Кто этот человек, что держит твоего ребенка и откуда он появился в ее жизни, когда она весь год не отходила от грудничка и даже в магазин с ним ходила, потому как сидеть с ребенком было некому. Бабушки отсутствовали с обеих сторон. Все те вопросы, которые полковник обязательно бы задал, распутывая какое-нибудь дело, он, увы, не задал себе. Позже Василий Васильевич попробовал найти сына по своим каналам, но не смог. Толь-

ко узнал, что жена взяла свою девичью фамилию, на нее же записала своего сына и уехала из Москвы.

Полковник вытащил из кармана затрепанный блокнот и стал там что-то чертить, стараясь не смотреть на Эрика. С одной стороны, казалось, что он совершенно спокоен, просто записывает какую-то важную информацию, но близкие ему знали, что в случае с Василием Васильевичем это степень наивысшего напряжения.

— Как тебя переполняет-то, — ухмыльнулась Зоя Саввична, немного придя в себя и закурив сигарету, — могу поспорить на Бегемота, ты нашел сына полковника. Кот, лежавший у ног женщины, дернулся, видимо, поняв, что стоит на кону. — Не дергайся, милый, мы выиграем, — успокоила его хозяйка и погладила его, как всегда, против шерсти.

— Высокая ставка, — сказал Юлий, — страшная вы женщина, не хотел бы я быть вашим котом. Хотя, судя по тому, как Эрик гордо расхаживает вокруг стола, я с вами соглашусь. Он всегда так делает, когда рассказывает, как распутал дело.

— Позёр, — с любовью сказала Зоя Саввична, глядя на довольного Эрика, — ну давай, жги, хотя гостей нам на сегодня достаточно, но не удивлюсь, если после твоего та-дам в гостиную войдет некто.

— Все может быть, — ухмыльнулся тот загадочно, — ну так вот, задача была проста как таблица умножения. Понимая, что полковник ничего не нашел в будущем своего сына,

я пошел от обратного, я пошел в прошлое.

На этих словах полковник удивленно посмотрел на Эрика, но по-прежнему продолжал хранить молчание.

— Вот вы мне рассказали, что ваша жена была намного вас моложе и влюбилась в вас лишь потому, что вы ее спасли. Я как-то сначала не обратил на это внимание, а зря, оказалось, что это и есть главное во всей этой истории. Вы не просто спасли ее, оказывается, вы вытащили ее из секты. Вернее, разоблачили сектантов, главных посадили, а всех, кого там удерживали, освободили, ведь так?

Полковник лишь слегка кивнул головой, при этом не произнеся ни слова и с испугом поглядывая на открытую дверь в гостиной.

— Так вот, Василий Васильевич, если бы вы были несколько внимательнее к той ситуации, то узнали бы, что троих устроителей данной секты посадили, а одного выпустили, так как не смогли доказать его причастность. Почему и как я не буду сейчас вдаваться в подробности, это не существенно. Факт остается фактом, его выпустили прямо в здании суда, через два года. И, ну же, шевелите своими серыми клетками, что он сделал в первую очередь? Конечно же, наш служитель, только ему известно какого бога, пошел собирать свою паству обратно, в том числе и вашу жену. Даю подсказку: он отрастил бороду, — сказал Эрик и замолчал, глядя на полковника, больше не улыбаясь. На Василия Васильевича стало страшно смотреть, на нем сейчас в полном

смысле слова не было лица. Было понятно, что понимание потихоньку приходило, и он находился от этого в шоке.

— А я его не узнал и сам отдал ему и жену, и ребенка, — Василий Васильевич произнес это, еле шевеля побелевшими губами. Он был, видимо, настолько потрясен услышанным, что даже оторвался от своего блокнота. — Меня поразила тогда одна деталь: то, как он, ухмыляясь, на меня смотрел. Я принял тогда это за глумление над поверженным конкурентом в битве за женщину. Но как она, почему?

— Я не знаю, чем он их заставил вернуться, — продолжил Эрик, почему-то боясь смотреть в глаза полковника, хотя не был, что называется, впечатлительным человеком, — пугал или имел какой-то другой способ управления своими подчиненными, но, очень быстро сколотив небольшой коллектив, он увозит всех на Камчатку.

— Они до сих пор там? — спросил Василий Васильевич с ужасом.

— Нет, — сказал Эрик, — буквально через год там их тоже нашли органы. Но у вашей жены и ребенка на тот момент уже не было документов, самопровозглашенный пастор сжег их по приезде в район Ключевской, у подножия одноименной сопки. Именно там они устроили себе лагерь или общину, не знаю уж как лучше назвать. Полицейским ваша жена почему-то не стала называть своего настоящего имени и фамилии, а также своего сына. Почему? Не знаю! Возможно, побоялась, что повторится случай с возвращением, хотела,

чтоб больше ее никто не нашел. А может быть, уже не хотела видеть вас, считала, что вы ее предали, молча отдав сектанту.

Это было жестко, но подействовало на Василия Васильевича отрезвляюще.

— Где они, как их зовут, перестань играть в Пуаро, а расскажи уже, — психанул полковник и вновь стал что-то рисовать в блокноте.

— Эрик, он прав, — сказал Юлий, пожалевший полковника, — говори уже.

Тот же в ответ посмотрел как-то странно на рыжего друга и продолжил:

— Женщина умерла через десять месяцев после возвращения из секты, когда вашему сыну исполнилось три года, — сказал Эрик без эмоций, просто как свершившийся факт, — она надорвала здоровье в общине: там спали на настилах, без отопления, в самовозведённых бараках. Ваша жена кутала ребенка, чтоб он не простыл, снимая с себя всю одежду, и сама заработала болезнь легких, после которой так и не восстановилась.

— Кто тебе все это рассказал и где мальчик, как его зовут? — торопил с ответами Василий Васильевич, раздражаясь привычной манерой Эрика излагать информацию. Он то начинал рисовать, то переставал, словно бы не мог найти свое место, и это было не свойственно уверенному и спокойному полковнику.

— Рассказала мне одна прима Малого театра, по фамилии

Царькова, — сказал Эрик и вновь взглянул на друга тем же странным взглядом, — а мальчика Вову теперь зовут Юлий. Я же люблю называть его Кай, и он вот перед вами сидит с жутким рыжим хвостиком на голове.

— Это прическа а-ля футболист… — начал по инерции защищаться Юлий и замолчал, непонимающе переводя взгляд с Эрика на Василия Васильевича и обратно, — я не Вова.

— Мама дорогая, — сказала тетя Песя, — бразильский сериал нервно курит в сторонке и плачет в обнимку с сериалами про итальянскую мафию. Чтоб я так вкусно готовила, как у вас тут интересно. Котя, мы приехали, куда надо. Они нам помогут.

— Она тоже была там, — продолжал Эрик, опустив глаза и не обращая внимания на выпады тетушки Зои Саввичны, — на Камчатке, в одном бараке с вашими родными. Царькова была бездетна, но с мужем они жили душа в душу. Когда же он скоропостижно скончался, горе накрыло актрису. От одиночества прима в какой-то момент потеряла смысл в жизни, это быстро заметили ушлые сектанты и ловко втянули актрису с жилплощадью в центре Москвы в свою паутину. Там она, конечно, пришла в себя, говорит, у нее даже был шанс просто сбежать, но, встретив в секте потерявшуюся девушку, годящуюся ей в дочери с маленьким ребенком, просто не смогла их бросить. Нашли и арестовали проходимцев, устроивших все это не без помощи Царьковой. Она остава-

лась одной из самых адекватных, плюс у женщины подключилось желание спасти чью-то жизнь. Госпожа Царькова нашла возможность сообщить об этой общине в полицию, и их освободили. В отличие от вашей супруги прима сказала полицейским свое настоящее имя, так я на нее и вышел. Жена ваша представилась ее дочерью, уж не знаю, как они договаривались с полицией, возможно, просто их бедолаг пожалели и не стали мучить проверками, поверив на слово, но факт остается фактом: они приехали в Москву уже большой семьей Царьковых. Бабушка, дочка и внук Юлик. Секта, к счастью, еще не успела продать квартиру актрисы, им очень повезло, мошенники жадничали и цену высоко задрали, так что жить им было где. Когда мама Юлия умерла, его стала воспитывать названная бабушка, так и получилось, что вашего сына найти было практически невозможно. Он исчез, а вместо него появился Юлий Царьков, мой друг. Судьба — жестокая штука, и свела вас еще до того, как вы узнали друг о друге.

— Так не бывает, — сказал Юлий обиженно, — ты выдумал. Зачем? Бабуля бы мне рассказала всю правду.

Он встал и вышел из комнаты. Не выбежал с криками, а просто вышел, тихо, словно бы не знал, куда теперь ему идти.

Василий Васильевич хотел встать, но Ирма остановила его:

— Не надо, ему сейчас лучше побыть одному. А я все никак не могла понять, почему у вас одинаковый зеленый цвет,

вот идентичный, как под копирку. Теперь все понятно. Я посмотрю за ним.

И вышла из комнаты вслед за Юлием.

— А может, ты и права, и не зря приехали, — сказал вдруг Константин Котик, про которого уже все забыли, — помогите мне найти моего сына. Пожалуйста.

Глава 6

— Ты очень красивая, — говорил мужчина, — я очень скучаю.

— А когда ты приедешь? — спросила Ксения, чуть не плача. Она не могла переносить разлуку с этим человеком. — Я не могу без тебя.

— Нам пока не надо показываться вместе, — сказал он и улыбнулся.

Такой улыбки, как у него, не было ни у кого на всем белом свете. Как же она любит его, как скучает.

— Или бросим все и поедем ко мне под Саратов, — предложил он. — Я тоже скучаю. Бросим это все. У меня там дом деревянный, я тебе рассказывал. Будем огород садить. Я все умею, главное – вместе.

Ксения не могла понять, как совмещаются эти две вещи: этот прекрасный мужчина мечты и дом под Саратовом с огородом. Она сама оттуда и знает точно, что таких там нет. Ну не конкретно из-под Саратова, но место ее рождения очень похоже.

— Нет, — сказала Ксения. — Мальдивы все же лучше. Более того, я уверена, что издательства захотят хайпануть на его смерти и несколько книг, уже моих, поставят под его

именем как посмертные.

— Ты будешь самой красивой вдовой писателя, — сказал он. Голос его был как колыбельная песня, под которую хотелось греться на лежаке на солнышке.

— Я справлюсь, — сказала Ксения твердо, — я люблю тебя.

— А я тебя.

Мужчина ее мечты положил трубку, и она подошла к зеркалу в ванной, где пряталась от мужа. Красивая тридцатитрёхлетняя шатенка смотрела на нее своими огромными глазами. Ещё пухлые, пока губы не улыбались, а возле глаз появлялись морщинки. Еще чуть-чуть, и молодость начнет угасать. Еще чуть-чуть, и она будет уже никому не нужна. А останется с писателем, и ее будущее — это убирать утки из-под старика.

Как же он ей надоел, старый маразматик. Разница у них была 17 лет. Ксения приехала в Москву молодой девицей из провинции и почти сразу встретила его. Иннокентий приходил пить чай по утрам в кафе, куда устроилась работать Ксюша. Тогда ей, двадцатитрёхлетней девушке, он казался верхом совершенства, мужчиной мечты. Писатель, умный, загадочный, богатый. Что еще надо? Она сама с ним заговорила, соврала, что читает его, и попросила автограф.

Но он не повелся на ее красоту, и это было обидно. Не попросил телефон, не стал флиртовать. Однажды она наблюдала, как к нему в кафе тоже подошел читатель, мужчина, и,

пока ждал автограф, заговорил про книги, написанные Иннокентием. Вот только тогда она увидела искру в глазах этого человека. В хорошенькой голове Ксюши сразу созрел план.

Накупив на последние деньги книг Иннокентия Петрова, пожертвовав даже маникюром, она стала читать. Надо сказать, это было нудно и неинтересно, хотя Ксюша не была глупой и читать любила. В ее активе имелась школа без троек, хотя это не показатель: у них в деревне оценки иногда ставились из жалости, а также торговый техникум по расплывчатой, но модной нынче специальности менеджер.

Книги Иннокентия давались ей тяжело, но она все же их осилила и, более того, залезла на онлайн-платформу и прочла там все восторженные отзывы, какие нашла.

Вот теперь она была готова.

В следующий раз Ксюша уже не просто так принесла ему кофе, а заговорила о героях его произведений, и он растаял. Говорил с ней долго, слушал внимательно и даже улыбался. Она отвечала все как надо, согласно отзывам, а не собственному мнению, и видела, что ему это очень нравилось. Коллеги уже поглядывали на нее с осуждением. Никто не хочет работать за другого, и, видя, что Иннокентий не решается, она сама предложила:

— А не хотите прогуляться вечером по соседнему парку? Я заканчиваю в шесть.

Ну и дальше все потекло, как и планировала Ксюша, в нужную сторону. Правда, всегда инициатива перехода на но-

вый уровень отношений тоже принадлежала ей.

Если бы она ждала чего-то от Иннокентия, то они до сих пор бы гуляли по набережной Москвы-реки.

Потом были пять лет счастья, полного и абсолютного, которого она никогда раньше не знала. Красивая квартира, загородный дом, приемы, где ее, девочку из деревни, сильные мира сего принимали за свою и даже целовали руку. Ксюша очень быстро научилась, как правильно тратить деньги на себя, и жизнь потекла ровным ручейком.

Когда же денежный угар закончился и это больше не приносило удовольствия, пришло отрезвление. Такое тяжелое, как похмелье после водки с пивом. Нет, она не пила совсем, а знала это со слов своего отца, который был любителем прикладываться, оттого и рано умер.

С этого момента все, что было связано с мужем, ее дико раздражало. Ксения записалась в спортзал, начала вести блог в интернете, который назвала «В постели с писателем», в общем, делала все, чтобы меньше контактировать с Иннокентием, а когда же этого не удавалось избежать, очень сильно контролировала себя, чтобы не показать то, что сидело у нее внутри.

Но с появлением мужчины мечты все изменилось. Ксюша уже больше не могла контролировать свое презрение к мужу. Она уже выросла из роли наивной дурочки из периферии, которая за деньги смотрит в рот и обожает. Она стала другой, и назад дороги уже не было.

Сейчас только так: Иннокентий Петров должен умереть, и не только как писатель, так он уже умер год назад, но и как человек.

Глава 7

— Почему бы не помочь хорошему человеку, — сказала тетя Песя, глядя на Зою Саввичну, — он точно не плохой, я проверяла, а мне мóжно верить, как себе. Котик, между прочим, очень богат, и он заплатит, если, конечно, у тебя поднимется рука брать деньги с будущего родственника, — сказала она и, продолжив наблюдать немой вопрос в глазах Зои Саввичны, торжественно заявила: — мы должны были пожениться, но тут Филю понесла нелегкая на природу, не нагулялся ребенок по Москве.

— Тебе семьдесят пять, — сказала Зоя Саввична, — не поздновато для брака?

— Вот дура девка, — ответила тетя Песя, поджав губы, — поздно это, когда возле твоего имени стоит две даты, а до этого все вовремя.

— Что говорит полиция? — спросил Василий Васильевич. Было видно ему легче погрузиться в расследование, нежели думать о том, что только что сказал Эрик.

Он вырвал из блокнота лист, на котором что-то писал, когда слушал судьбу жены и ребенка, смял его, словно бы пытаясь забыть об услышанном, и положил в карман.

— А что полиция? Она везде одинаковая и здесь, и в Гер-

мании. Говорят, будут искать, а на самом деле даже не посмотрели его ноутбук, что мы им принесли. Следователь, к которому мы пришли два дня назад, прочитав его последнее сообщение, так и сказал: погуляет с бабой и позвонит ваш Казанова. Просто так очумел от русской девки, что про все забыл. Успокойтесь. А как тут успокоиться, ребенок пропал. Покажи им, Котик, сообщение Фили, — сказала тетя Песя.

Тот вынул из кармана телефон и протянул Эрику.

— Папа, у меня все хорошо, поехал в Воткинск к девушке. Не пугайся, если не будет связи, и я не позвоню. В России это бывает. Обнимаю. Не забывай пить лекарства и пожалуйста не переживай и не ищи меня. Помни мне тридцать пять лет. Люблю, — прочитал Эрик с телефона Котика, который тот ему подал.

— А может, так оно и есть? — уточнил Василий Васильевич, пожав плечами. — Выглядит очень натурально.

— Я вас умоляю, надо знать Филю, — продолжила тетя Песя возмущенно, — он звóнит Котику каждый день, и это даже не обсуждается, а прозвóна уже нет три дня как. И я вас умоляю, пусть он не рассказывает нам про плохую связь в России, мы не вчера родились. Котик вон, звóнит каждый день своим друзьям, а они живут почти у медведей, где-то между Красноярском и Новосибирском. Именно поэтому мы вылетели в Россию, как только получили сообщение, оно очень странное, словно бы писал не он. Никаких таких лекарств нет, Котик здоров как бык, и Филя это отлично

знает. Также у них нет места всем этим телячьим нежностям, типа «люблю». Константин очень переживал, говорил чувствует что-то. Я нет, но у него родительская душа имеет полное право чувствовать. В квартире Филиппа, как вы поняли, не было, ну я про Зойку и вспомнила. Еще день потеряли на полицию, на ней настаивал Котик, а я говорила, что это потеря времени и нервов и непонятно еще чего больше. Когда Котя понял, что в полиции нам не рады, я сначала несколько раз повторила, что я жеж говорила, а потом мы ждали у порога Зойку, вот хорошо вы, папаша неудачник, пришли, — не упустила момента уколоть Василия Васильевича тетя Песя, — а то бы и не знала, куда кидаться. Все остальное, кроме адреса, я забыла, возможно от нервов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.